

О ПЕРЕВОДЕ В ТОПОНИМИИ

Топонимия Карелии дает хорошую возможность для исследования взаимодействия топонимов разных языков. В ономастической литературе поднимались некоторые аспекты этой проблемы, ср., например, интерес исследователей к достаточно последовательному переводу детерминанта, или основного элемента прибалтийско-финских двухкомпонентных топонимов на русский язык в процессе их усвоения: *Särgjärv* — *Сяргозеро* (*järv* 'озеро'). Другие же вопросы, в том числе достаточно принципиальные, до сих пор остаются вне поля зрения ономастов. Так, неясно, почему в процессе заимствования названий этимологически прозрачные топоосновы в одних случаях переводятся (*Pitkjärv*, ср. *pitk* 'длинный, долгий' — *Долгозеро* или *Долгое озеро*), а в других нет (*Kaidjärv*, ср. *kaid* 'узкий' — *Кайдозеро*). Насколько случаен или, наоборот, закономерен этот процесс?

В ходе работы над "Сводом гидронимов Свири", включающим наименования приблизительно 6 тысяч водных объектов Присвирия — территории активного и длительного русско-вепсского и русско-карельского контактирования — выявились наряду с безусловно случайными переводами и определенные закономерности. Оказалось, что достаточно последовательно переводятся только некоторые совершенно определенные топоосновы с качественной семантикой: *must* 'черный' (т. е. вепс. *Mustjärv* или карел. *Mustdärvi* в устной русской передаче, а также на картах, в списках, в исторических документах и прочих источниках выглядят — за редким исключением — как оз. *Черное*), *vouged* 'белый' (вепс. *Vougedjarv* — рус. *Белозеро* или оз. *Белое*), *pitk* 'длинный', *vär* 'кривой', *suvä* 'глубокий', *laged* 'открытый, безлесый' (в русских соответствиях 'гладкий', т. е. *Laged so* — *Гладкое болото*) и некоторые другие.

Среди основ, входящих в другие семантические разряды, тенденцию к переводу обнаруживают топоосновы *hein* 'сено' (*Hein / oja, -so, -järv* — *Сенной ручей, Сенное болото, Сенное озеро* или *Сенозеро*) и *haug* 'щука' (*Haugjärv* — *Щукозеро* или *Щучье озеро*).

Выявленная закономерность имеет историческую ретроспективу, подтверждающуюся письменными документами XVIII в. (ср. материалы и карты Генерального межевания), а в некоторых случаях и более

ранними источниками (Писцовые книги Обонежской пятины XV—XVI вв.). Она, кроме того, не ограничивается Присвирьем. Примерно такой же набор русских основ обнаруживается в гуще субстратных гидрооснов в Пудожье, осваивавшемся новгородскими словенами приблизительно в одно время с Присвирьем.

Анализ большого количества гидронимного материала позволяет сделать следующее предположение. Одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается, видимо, в наличии соответствующей модели в воспринимающей русской топонимической системе данной или смежной территории. Если таковая имеется, то усваиваемый топоним подстраивается под нее, занимает место в готовой ячейке. Если же такой модели наготове не оказывается, то, несмотря на ясную семантику, возможности перевода ограничены.

Это предположение иллюстрируется одним достаточно показательным случаем в Присвирье. При усвоении вепсских и карельских гидронимов с атрибутивной основой *ahven* (*ahv-*, *ahn-*) 'окунь' подлежащая, как правило, не переводится. В результате в бассейне Свири (и на русской территории, и в русском употреблении на вепсской территории) среди десятков гидронимов *Агвозеро*, *Агнозеро*, руч. *Агвое* и т.д. встретилось лишь одно оз. *Окунь* (*Окунево*) и руч. *Окунев*. Однако знаменательно, что на южной и юго-западной окраине бассейна Свири, а также непосредственно вдоль русла самой Свири, т.е. в местах, раньше, чем остальное Присвирье, освоенных русским населением, в гидронимии присутствует русское диалектное слово *острец* или *остреч* 'окунь': р. *Остречина*, р. *Остречка*, оз. *Острецкое*, оз. *Остречье*, руч. *Острецкий* и т.д., в том числе и в топонимах, для которых известен вепсский оригинал (ср. р. *Остречина* — вепс. *Ahnuždogi* в северном Присвирье, оз. *Остречье* — вепс. *Ahnjärv* на Паше). Видимо, в свое время основа *острец* была достаточно продуктивной в русской топонимии в Новгородских владениях; в результате для усвоения вепсской топоосновы *ahn* 'окунь' существовала соответствующая готовая модель в русской топонимии: *Ahnjärv* — оз. *Остречье*. Однако с утратой лексики *острец* из русских говоров Присвирья исчезла и продуктивная русская гидронимная модель. Это привело к тому, что на территории более позднего русского освоения в Присвирье для вепс. *Ahnjärv* готовой модели не оказывалось, поэтому при передаче на русский язык приходилось ограничиваться лишь фонетическим усвоением основы: *Агнозеро*.

Последний пример свидетельствует о том, что проблема перевода в топонимах может иметь влияние на решение этноисторических задач: топооснова *острец-*, *остреч-* маркирует места относительно раннего русского освоения в Присвирье.

Проблема перевода в комплексе с вопросами истории языка и истории освоения территории отразилась и в русских соответствиях вепсских и карельско-людиковских гидронимов с основой *pyhä* (*Pyhäjärvi*, *Pyhädogi* и др.). В современных вепсских и людиковских говорах слово *pyhä* имеет значение 'пост', которое, однако, практически не отразилось в русских соответствиях прибалтийско-финских гидронимов. В присвирской гидронимии существует пара *pyhä* — *свят-, святой* (т. е. вепс. *Pyhäjärvi* — русск. *Святозеро* или оз. *Святое*, кар. *Pyhädogi* — русск. *Святрека*), которая отражает прежнее, утраченное вепсским и людиковским значение слова *pyhä* 'святой'. Последнее сохранилось в родственных финском и эстонском языках. Видимо, появление топонимов *Святозеро*, *Святрека* должно быть отнесено к тому времени, когда первоначальная семантика 'святой' не была еще утрачена. Между прочим, с этим предположением согласуется и ареал гидронимов с основой 'святой': они тяготеют к крупным рекам (Свирь, в Пудожском крае — Водла), довольно рано попавшим в сферу русского языкового влияния. Там же, куда русское влияние проникло позже, основа *свят-* в гидронимии исчезает. Видимо, к этому времени *pyhä* утрачивает свое первоначальное 'святой', а для новой семантики 'пост' в воспринимающей русской топонимии не находится соответствующей модели. Поэтому перевода не происходит: *Pyhäjärvi* — *Пигозеро*, *Pyhäoja* — *Пигручей*.

Проблема перевода, таким образом, увязывается довольно тесно с хронологическими рамками существования определенных топонимных моделей и в силу этого важна для этнолингвистики, истории языка, этнической истории.

В заключение отметим, что принципы переводимости топооснов, выявленные на основе гидронимии, видимо, существенны и для других разрядов топонимов, хотя набор топооснов, подверженных переводу, в них варьируется.